

УДК 100.7

ИСТИНА В КОНЦЕПЦИИ «ЦЕЛЬНОГО ЗНАНИЯ» В.С. СОЛОВЬЕВА

© 2011 г. П.В. Павлов

Южно-Российский государственный технический университет
(Новочеркасский политехнический институт),
ул. Просвещения, 132, Новочеркасск, 346428,
rektorat@npi-tu.ru

South Russian State Technical University
(Novocherkassk Polytechnic Institute),
Prosveschenie St., 132, Novocherkassk, 346428,
rektorat@npi-tu.ru

Исследуется проблема истины в философской концепции В.С. Соловьева. Рассматривается проблема конкретной взаимосвязи истины, смысла и действительности. Раскрывается значимость категорий «всеединство» и «сущее». Обращается внимание на отличие подходов к пониманию «бытия» в философских концепциях В. Соловьева, Г. Гегеля и М. Хайдеггера.

Уделяется внимание единству познания, творчества и нравственности в концепции «цельного знания». Анализируется проблема соотношения истины и субъекта в творчестве «позднего» В. Соловьева.

Ключевые слова: истина, «цельное знание», сущее, смысл, действительность, субъект.

Investigated the problem of truth in the philosophical concept of V.S. Solovyov. We consider the problem of a particular relationship of truth, meaning and reality. Disclosed the importance of the categories of «unity» and «things». Attention is drawn to the difference between the approaches to the understanding of «being» in the philosophical concepts V. Solovyov, G. Hegel and M. Heidegger.

Attention is paid to the unity of knowledge, creativity, and morality in the concept of «integral knowledge». Examines the problem of the relation of truth and the subject in the work of «late» V. Solovyov.

Keywords: truth, «whole knowledge», essence, meaning, reality, subject.

Особое место в осмыслении проблемы истины занимает концепция «цельного знания» выдающегося представителя отечественной философии В.С. Соловьева. Важно, что она не носит исключительно гносеологического характера. По замыслу философа, «цельное знание» неразрывно связано с такими важнейшими сферами человеческой жизни, как творчество и нравственность. В конечном счете у Соловьева речь идет о единстве познания, творчества и нравственной деятельности. Основой же этого единства выступает истина, понимаемая онтологически как истинно сущее.

Согласно Соловьеву, в человеческой жизни, в ее трех главных сферах – познании, нравственной деятельности и творчестве (эстетической сфере) – необходимы верховные принципы или критерии. Так, мы говорим о различии доброго и дурного поступка, подлинного (верного) и ошибочного, мнимого знания, о различии между прекрасными и безобразными произведениями художественного творчества. Понятно, что при

этом следует опираться на некие объективные критерии и принципы. Верное познание должно иметь своим содержанием истину, нравственные действия – добро или благо, художественные произведения – красоту. Но понятие истины относится не только к сфере познания и не ограничивается данной сферой, поскольку действительно нравственный поступок или подлинное произведение искусства – это всегда истинная добродетель и соответственно истинное произведение художественного творчества. Тем самым обоснование критериев для важнейших сфер человеческого существования упирается в конечном счете в вопрос об истине, о «подлинном бытии истинного абсолютного порядка, на котором единственно может основываться сила нравственного начала» [1, с. 660], как, впрочем, и красота подлинного произведения искусства.

«Утверждение высшей цели и нормы для нашей нравственной деятельности, – пишет Вл. Соловьев, – требует... истинного знания; чтобы должным образом осуще-

ствлять благо, обязательно знать истину; для того, чтобы *делать, что должно, надо знать, что есть*» [1, с. 661]. Итак, важнейшим, определяющим вопросом, имеющим не только теоретическое, но также и насущное практическое значение, становится извечный вопрос: *что есть истина?* Проследим, как решается он в философской концепции Владимира Соловьева.

Несомненной и бесспорной основой исследования истины, считает он, является положение, согласно которому истина – это всегда *то, что есть*. Соответственно истинным знанием является знание того, что есть. Между тем эти определения истины и истинного знания слишком абстрактны и широки, поскольку, как пишет Соловьев, не все, что существует, «истинно есть». К примеру, существуют ложное знание, обман, заблуждения и вымысел в голове и словах человека. Поэтому более конкретное понимание истины предполагает не просто любое бытие вообще, а бытие *определенного рода*, учитывающее различие между истинным и ложным существованием. Такое истинное бытие не может быть плодом человеческой головы, ее выдумкой или субъективной фантазией, оно с необходимостью существует в качестве *объективной реальности*. Соответственно этому истинным будет такое знание, которое определяется самим предметом, самой действительностью, а не исходит из одного только познающего субъекта. «Со стороны бытия, – указывает Соловьев, – истина... есть *вещь*, то есть то, что существует само по себе *вне субъекта* и независимо от него, – истина есть то же, что *реальность*; со стороны же знания соответственно этому истина как реальность есть *объективно познаваемое*» [1, с. 664].

Однако весь вопрос заключается в том, что представляет собой эта *реальность*? Согласно Соловьеву, последнюю ни в коем случае нельзя ограничивать лишь наличным бытием, чувственно данными фактами, как это делает «отвлеченный реализм», тождественный эмпиризму. Истинное знание не ограничивается только так понятой действительностью, но предполагает также *смысл* или *разум* действительности, «разум вещей» (*ratio rerum*). Но в чем заключается смысл реальности, «разум вещи»? Этот смысл, согласно Соловьеву, состоит в отношении вещи «*ко всему*».

При этом, подчеркивает он, совершенно очевидно, что такое отношение вовсе не следует понимать как отношение предмета ко всей бесконечной и неопределенной совокупности существующих вещей. Речь идет об отношении вещи к *единому началу, всеединству*, которое придает всему бесконечному многообразию вещей конкретную определенность, *смысл*. «Ведь разумность какого-нибудь факта, – пишет Соловьев, – и состоит лишь в его взаимоотношении со всем, в его единстве со всем; понять смысл или разум какой-нибудь реальности, какого-нибудь факта, ведь и значит только понять его в его взаимоотношении со всем, его всеединстве» [1, с. 810]. Разум (всеединство) и действительность составляют таким образом полноту истины. Всеединство выступает как *идеальная форма*, как *форма истины*, а действительность – как ее содержание. Без этой идеальной формы действи-

тельность распадается, превращается в «эмпирическую неразумную реальность», в набор бессмысленных фактов, однако само всеединство, лишенное реального содержания, оказывается пустой формой. Всеединство, подчеркивает Соловьев, как «настоящая форма истины» не может существовать само по себе, в отрыве от реальности.

В своем полном определении истина представляет «разумную реальность», включает в себя и «безусловную действительность» и «безусловную разумность всего существующего». Истина в ее полном выражении определяется В. Соловьевым как «*сущее всеединое*». «Как сущее она представляет безусловную действительность, от которой, следовательно, зависит... всякая другая действительность, а как всеединое она представляет разум или смысл всего существующего, ибо этот разум или смысл... есть не что иное, как взаимоотношение всего в едином» [1, с. 808].

Истину в ее полноте (цельности) как «сущее всеединое» *невозможно* редуцировать только ко всеобщности смысла. И здесь проявляется существенное отличие от гуссерлевской феноменологии. Конечно, Соловьев (и прежде всего в своей поздней работе «Теоретическая философия») проводит, подобно «раннему» Гуссерлю [2], различие между логической всеобщностью и эмпирической реальностью, между мышлением и психическими фактами. Мысль, пишет он, «имеет всеобщее значение», она «есть нечто большее, чем наличный психический факт» [3, с. 802]. Однако, указывая на универсальную или «*вселенскую*» природу мышления, философ настоятельно подчеркивает, что оно еще не заключает в себе «*всецелого начала*». Одно только мышление и его *всеобщая значимость* еще не составляют *полноту истины*. Универсальность мысли есть лишь «*путь к истине*», но еще не сама истина в ее действительной цельности, полноте.

Предмет «цельного знания» – *истинно сущее* (*das wahrhaft Seiende*) в его объективном выражении. При этом Соловьев настаивает на принципиальном различии сущего и бытия. Абсолютным первоначалом у него является отнюдь не бытие, а сущее или «сверхсущее». Именно оно выступает как положительное начало всякого бытия. «Великая мысль, лежащая в корне всякой истины, – пишет он, – состоит в том, что в сущности все, что есть, есть *единое*, и что это единое... глубже и выше всякого бытия, так что вообще все бытие есть только поверхность, под которою скрывается истинно сущее как абсолютное единство» [4, с. 222].

М. Хайдеггер, как известно, также настаивал на принципиальном различии сущего и бытия [5], однако в совершенно ином смысле, нежели Соловьев. У немецкого философа бытие приоритетнее сущего (которое отождествляется им с предметным миром), тогда как у Соловьева высшее и истинное начало – сущее («сверхсущее»), которое оказывается истоком всякого бытия (отождествляемого с наличной реальностью, т.е. с тем, что Хайдеггер именовал «сущим»). Впрочем, такое «переворачивание» не отменяет огромную дистанцию между истинно сущим русского философа (как положительным всеединством, божественным

абсолютном) и хайдеггеровской истиной бытия или ничто, раскрываемой экзистенцией в состоянии ужаса. И такая дистанция рельефно высвечивает принципиальное отличие между *классической* философской традиции, к коей бесспорно принадлежит В.С. Соловьев, и *неклассическим* способом мышления, ярким представителем которого является Хайдеггер.

Истинно сущее как абсолютное первоначало оказывается у Соловьева также и исходным пунктом, «первым верховным принципом» *органической логики* как важнейшей составной части его концепции «цельного знания» (вместе с *органической метафизикой* и *органической этикой*). И здесь раскрывается методологическое различие между «цельным знанием» и гегелевской диалектикой. В последней, как известно, исходным пунктом логико-категориального развертывания является чистое бытие, тогда как у Соловьева – понятие сущего, из которого диалектическим путем выводятся остальные категории. Сама диалектика у него становится *методом* логического выведения из сущего самого по себе (как абсолютного первоначала) всех его существенных и содержательных определений. «Под диалектикой, – пишет философ, – я разумею такое мышление, которое из общего принципа в форме понятия выводит его конкретное содержание», причем «это содержание, очевидно, должно уже заключаться в общем принципе (ибо иначе мышление было бы творчеством из ничего)» [4, с. 226].

В этой связи основной упрек, предъявляемый Соловьевым гегелевской логике, заключается в том, что в ней из неопределенного бытия как пустого и бессодержательного (да еще и тождественного с ничто) определения выводятся все содержательное богатство категориальных определений, тогда как, по мнению Соловьева, это многообразие можно вывести только из самого содержательного понятия, каковым является понятие сущего (истинно сущее). Вместе с тем Соловьев признает, что у Гегеля представлено «*богатое развитие диалектической формы*», которая является *универсальной*, «общей формой истины», или *всеединством*. Однако, настаивает Соловьев, это всеединство оказывается у Гегеля формальным, «отрицательным», поскольку эта универсальность ограничивается лишь сферой чистого мышления, а потому и не составляет истину в ее полноте, не может быть «истинным началом всего».

Как уже отмечалось, понятие истины как истинно сущего является для Соловьева абсолютным принципом для обоснования цельности человеческого бытия, реализуемого через единство познания, нравственности и творчества. Философ неустанно и неоднократно подчеркивает, что «цельное знание» не может носить исключительно теоретический характер, но также включает в себя нравственный (практический) и художественный (эстетический) элементы. *Разум, воля и чувство* образуют единство человеческого духа, и соответственно цельное знание свои предметом имеет не только содержание мышления, но также и содержание воли и чувства. Как пишет Соловьев, «истина, составляющая содержание настоящей философии, должна находиться в необходимом отношении к воле

и чувству, отвечая их высшим требованиям, то, очевидно, исходная точка этой философии – абсолютно сущее – не может определяться одной только мыслительной деятельностью, а необходимо также волей и чувством» [4, с. 230 – 231]. «Настоящая всецелая истина» есть также *благо* и *красота*. Поэтому истинная философия у Соловьева неразрывно связана с настоящим творчеством и нравственной добродетелью.

Человеческая жизнь, «цельная жизнь» человека всегда должна иметь *смысл*, что, по Соловьеву, равнозначно тому, что человеческая жизнь должна быть *оправданием добра*. А значит, одновременно и по существу она должна быть *оправданием истины*, поскольку истина и добро не могут быть отделены друг от друга. Ведь добро – это всегда истинное, подлинное добро, а истинное познание в свою очередь всегда должно быть нравственно, добродетельно. Поэтому, уверен Соловьев, «коренное единство между добром и истиною – очевидно необходимое, так как без этого единства самое понятие *истинного добра*, которым держится вся нравственность, не имело бы смысла. Если добро, как таковое, непременно должно быть истинным, то ясно, что истина по существу не может быть чем-то противоречащим и чуждым добру» [3, с. 759]. А поэтому, настаивает философ, ключевым принципом всякого научно-теоретического исследования должна быть *добросовестность*, «наибольшая добросовестность в деле мышления и познания».

Человек, осуществляя теоретическое познание, обязан обладать нравственными свойствами, главным из которых Соловьев считает *любовь к правде* и ненависть ко всякому обману. Идея добра, подчеркивает он, требует от всякого деятеля, чтобы он добросовестно относился к предмету своей деятельности. Добросовестность является универсальным принципом любой деятельности, и тем более этот принцип самым непосредственным образом касается деятельности философа, исследования в области философии, поскольку именно философия должна быть добросовестным исследованием истины, «исканием истины *до конца*».

Итак, можно сказать, что философская концепция В.С. Соловьева представляет собой своеобразный опыт обоснования нераздельного или «органического» *единства истины, добра и красоты*, которые по существу и составляют цельность (единство) человеческого бытия. Между тем это такая цельность, такое единство, которое сохраняет в себе содержательные различия теоретической, нравственной и эстетической форм человеческой жизни и деятельности.

В своей последней и незавершенной «гносеологической» работе «Теоретическая философия» В.С. Соловьев таким образом пишет об этом различии: «Жизнь и знание единосущны и нераздельны в своих высших нормах; но вместе с тем сохраняется различие практического и теоретического отношения к предмету: добрая воля и истинное знание, при всей своей неразрывности, остаются двумя различными внутренними состояниями, двумя особыми способами существования и деятельности. Этому соответствует как единство, так и различие между нравственною и теоретическою философией» [3, с. 760].

Работа «Теоретическая философия» интересна еще и тем, что в ней В.С. Соловьев подробнейшим образом исследует проблему *соотношения истины и субъекта*. В этой связи он развертывает обстоятельную критику картезианского субъекта, положенного в основание новоевропейской философии. В дальнейшем, как мы знаем, это будет делать с особым усердием М. Хайдеггер, связывая забвение «истины бытия» именно с возвышением декартовского *cogito*. Однако позиции Хайдеггера и Соловьева в этом вопросе – при всем кажущемся сходстве – принципиально различны.

Согласно Соловьеву, в картезианской философии субъекту придается самодовлеющее значение, *безотносительное* к самой истине. Конечно, с момента своего возникновения новоевропейская мысль в лице того же Декарта ставила своей задачей познание истины. Однако, полагает Соловьев, в картезианстве (а затем и у Канта) эта задача в конечном счете «суживается» и подменяется совершенно иной задачей, концентрируясь вокруг «я» как подлинного бытия и средоточия истинного познания. Иначе говоря, вместо самой истины картезианская, а затем и кантовская философия на первый план выдвигают субъекта. И только лишь в гегелевской философии, полагает Соловьев, субъект в какой-то мере подходит к своему истинному определению.

Надо сказать, что в своей критике новоевропейского «его *cogito*» – и это представляется принципиально важным – Соловьев вовсе не отказывается от субъекта вообще. Так, в отличие от Хайдеггера, он отнюдь не отрицает, не уничтожает субъекта, не превращает его в иррациональную «экзистенцию», занятую истолкованием своих феноменологических ощущений, но говорит о возможности истинного («философского») субъекта. Этот истинный субъект не есть ни логический субъект (наподобие

кантовского трансцендентального субъекта), ни тем более субъект эмпирический в его хаотичной «пестроте». Речь идет о таком субъекте, который «забывает» о своей субъективности и всецело предается *самой истине*. Но такое «забвение», подчеркивает Соловьев, отнюдь не означает утрату самосознания, своего «я». *Наоборот*, предаваясь истине, человек только и *приобретает* для своего «я» бесконечное и «безусловное содержание». Тем самым субъект становится истинным, «философским», по выражению Соловьева, субъектом – «формой истины», «*становящимся разумом самой истины*». И это принципиально важно: только предавая себя «забвению» ради самой истины, человек по сути и обретает себя в подлинном, истинном смысле. Представляется, что этот вывод «позднего» Вл. Соловьева можно рассматривать в качестве своеобразного *итога* его философских размышлений. Будучи «безусловным смыслом существующего» и составляя «органическое» единство с нравственностью и творчеством, истина есть та основа, которая только и дает возможность человеку стать действительным субъектом, обрести свое подлинное «самосознание».

Литература

1. Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Философское начало цельного знания. Минск, 1999.
2. Гуссерль Э. Логические исследования // Логические исследования. Картезианские размышления. Минск, 2000.
3. Соловьев В.С. Теоретическая философия // Соч.: в 2 т. М., 1988. Т. 1.
4. Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // Там же.
5. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков, 2003.